

DOI 10.15826/qr.2019.4.440

УДК 94(470.54-25)+279.99+27-788

БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ ЕКАТЕРИНБУРГА В НАЧАЛЕ XX в.*

Александр Палкин

Юлия Боровик

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

MARRIAGE STRATEGIES OF THE YEKATERINBURG EDINOVERIE COMMUNITY IN THE EARLY 20th CENTURY**

Alexander Palkin

Iulia Borovik

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Explaining the main quantitative characteristics of a particular socio-confessional group is necessary for understanding its place and role in society. Edinoverie joined converts from Old Belief to the official Orthodox Church by maintaining the pre-reform liturgical books and rituals whilst also being subordinated to Synodal bishops. The rules of edinoverie were formulated by the joint effort of Old Believers and Platon (Levshin), the metropolitan of Moscow: these were later approved by Emperor Paul I in a decree from 27 October 1880. In practice, however, contradictions appeared rather quickly as a result of the fact that edinoverie was a compromise between two sides that found it difficult to reconcile their differences. The Synodal Church regarded edinoverie as a missionary instrument for converting “schismatics”, while Old Believer organisations strove

* Работа выполнена при поддержке РФФ, проект 16–18–10105 «Этнорелигиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX – начале XX в. на примере Урала и Скандинавии».

** *Citation:* Palkin, A., Borovik, I. (2019). Marriage Strategies of the Yekaterinburg Edinoverie Community in the Early 20th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1311–1323. DOI 10.15826/qr.2019.4.440.

Цитирование: Palkin A., Borovik I. Marriage Strategies of the Yekaterinburg Edinoverie Community in the Early 20th Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1311–1323. DOI 10.15826/qr.2019.4.440 / Палкин А., Боровик Ю. Брачные стратегии в единоверческой общине Екатеринбургa в начале XX в. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1311–1323. DOI 10.15826/qr.2019.4.440.

to receive legalisation and their own independent episcopal hierarchy. The evolution of the composition of parishioners in edinoverie churches took an unexpected turn: at the beginning of the twentieth century, going to edinoverie parishes for the sacraments became attractive to flocks officially counted within the 'predominant Orthodox confession'. This became possible due to the support edinoverie received from the authorities and the state church: it was gradually becoming recognised as an independent variant of Russian Orthodoxy. In this article, the authors present the results of an analysis of nominative data from marriage registries created between 1901 and 1918 in the Holy Trinity Church of Yekaterinburg, the largest urban edinoverie centre in the Urals. Materials analysed in the paper demonstrate that confessional boundaries between edinoverie and official Orthodoxy in everyday life were becoming blurred, and not only for religious reasons.

Keywords: Edinoverie; Orthodoxy; Old Belief; marriage strategies; religious communities; identity; Urals; confessional relations.

Выявление принципиальных качественных характеристик отдельной социофессиональной группы необходимо для понимания ее места и роли в обществе. Единоверие являлось формой присоединения старообрядцев к государственной православной церкви с сохранением богослужения по книгам и обрядам дореформенного образца, но с подчинением епископам синодальной церкви. Правила единоверия были сформулированы соединенными усилиями старообрядцев и митрополита Московского Платона (Левшина), утверждены императором Павлом I указом 27 октября 1800 г. На практике довольно быстро проявились противоречия, изначально присутствовавшие в единоверии как компромиссе между труднопримиримыми сторонами – синодальной церковью, видевшей в нем миссионерский инструмент для обращения «раскольников», и старообрядческими организациями, стремившимися получить легальный статус с самостоятельной иерархией. Изменение состава прихожан в единоверческих общинах происходило неожиданным образом – в начале XX в. обращение за исполнением таинств в единоверческий приход стало привлекательным для паствы, причисленной к «господствующему православному исповеданию». Этому способствовала эволюция в отношении единоверия со стороны властей, государственной церкви и ее прихожан: направление получало все больше признания в качестве самостоятельного варианта российского православия. Увеличивавшееся присутствие православных среди венчавшихся в единоверческой церкви кардинальным образом меняло состав и облик прихода. В статье представлены результаты анализа метрических записей о браках в 1901–1918 гг. в Свято-Троицкой церкви Екатеринбурга – крупнейшем единоверческом городском центре на Урале. Приведенные материалы свидетельствуют о постепенном размывании профессиональных границ между официальным православием и единоверием в повседневной жизни, обусловленном комплексом причин не всегда церковно-религиозного свойства.

Ключевые слова: единоверие; православие; старообрядчество; брачные стратегии; религиозная идентичность; Урал; профессиональные отношения.

История единоверия, находившаяся в сфере маргинальных тем, обрела актуальность в начале 2000-х гг., когда внимание исследователей сосредоточилось на проблемах толерантности, компромиссов в межконфессиональных отношениях, региональных вариантов религиозных движений и идей [Кауркин, Павлова; Майоров; Палкин, 2014]. От изучения отдельных аспектов и периодов истории перешли к разработке новых целостных концепций истории единоверия [White, 2016; Палкин, 2016]. Однако до сих пор почти не обращалось внимания на изменения, происходившие внутри самого единоверческого прихода. К началу XX в. почти утратилась значимость единоверия для легализации старообрядцев, чему способствовало расширение прав староверов в последней четверти XIX – начале XX в. [ПСЗ-2, т. 49, № 53886 (1874 г.); ПСЗ-3, т. 3, № 1545 (1883 г.), т. 25, № 26125, 26126, 26803 (1905 г.), т. 26, № 28425, 28426 (1906 г.)].

Одна из лакун в исследованиях – вопрос о границах единоверческих сообществ, способах социального воспроизводства, эволюции идентичности. Есть основание считать, что большинство единоверческих приходов до середины XIX в. были вариантом старообрядческих общин и в дальнейшем часто отказывались от навязанного единоверческого статуса с подчинением синодальной церкви [Лебедев]. Потенциал интеграции единоверия и официального православия¹ исследователи оценивают довольно скептически: даже практика совместных молений в благоприятных условиях была не очень длительной и не вполне успешной [Уайт]. Паства православных священников до 1881 г. могла обращаться к единоверческим духовным лицам в особых случаях – для покаяния и причащения перед смертью; поддерживался приоритет государственной православной церкви и при заключении смешанных браков [Амбарцумов]. При этом в отдельных сибирских единоверческих приходах в начале XX в. обнаруживается значительное число венчавшихся православных [Иванов, с. 119].

Несмотря на то, что единоверие к началу XX в. имело 100-летнюю историю, основная масса приходов этого направления создавалась в конце 1830–1850-х гг., когда под давлением властей часть старообрядцев была вынуждена провозгласить себя единоверцами, чтобы избежать преследований [Чельцов; Шлеев; Покровский, Зольникова, с. 142–182]. При всем многообразии региональных вариантов распространения «старообрядческой унии» после ослабления репрессий с середины XIX в. значительная часть таких общин потеряла прихожан, уклонившихся обратно в староверие, располагала скудными ресурсами для развития, была объектом критики со стороны как священников Русской православной церкви (далее – РПЦ), так и старообрядческих деятелей [см., например: ОР РНБ. ОСПК. Q. I. 1094. Л. 43; Тит. 288. Л. 7–7 об.]. Реально действующих общин с «истинными» единоверцами было не-

¹ Здесь и далее определения «православие», «православные» будет использоваться для обозначения прихожан прогосударственной православной церкви.

много, и одна из самых крупных провинциальных находилась в Екатеринбурге. Поскольку положение этой общины было особенным, необходимо остановиться на основных этапах ее истории.

Екатеринбург стал одним из крупных уральских единоверческих центров на рубеже 1830–1840 гг., хотя уже в начале XIX в. несколькими перешедшими из староверия семействами здесь была образована небольшая Спасская община, находившаяся в полном подчинении и согласии с епархиальным начальством [Палкин, 2016, с. 104–110]. Более многочисленная, самостоятельная и влиятельная Троицкая община появилась после того, как екатеринбургским старшинам старообрядцев-беглопоповцев в 1830-х гг. было поставлено условие – присоединение к православной церкви на правах единоверия и продолжение предпринимательства (в том числе золотодобычи) или пребывание в «старой вере» с лишением не только возможности вести дела, но и участвовать в органах местного самоуправления. Почти все руководство беглопоповцев предпочло первый вариант, создав общину при Троицкой церкви, перестроенной из возводившейся тогда старообрядческой часовни [Байдин, с. 119; Свято-Троицкий собор].

Для первого поколения присоединившихся к единоверию была ценной возможность вести свои торговые и промысловые дела, сохраняя прежний социальный статус и автономию, не отступая при этом от религиозных и организационных норм, принятых у старообрядцев-беглопоповцев. Мнение старшин и попечителей имело здесь вес, вплоть до того, что купеческое руководство могло судить дела причта [Палкин, 2014, с. 140–143].

До 1870–1880-х гг. бывшие староверы старались сохранять в Троицкой общине элементы имевшегося у них прежде самоуправления, воплотив на деле вариант компромисса с государственной церковью хоть и «поневоле», но на «особых условиях» и продолжая историю «гнезда раскола» под «личиною единоверия» (образы из характеристики, данной местному единоверию екатеринбургским епископом Ионой (Капустиным) в середине XIX в.) [Палкин, 2014, с. 102]. Попечители храма, вопреки мнению консистории, указывали своим первым священникам место их деятельности, оспаривали компетенции благочинного и даже прилагали усилия для учреждения единоверческого епископата, которые, правда, не привели к положительному результату [Палкин, 2016, с. 140–145, 243–247, 258]. «Особое положение» этих екатеринбургских единоверцев сохранялось до начала XX в. Судя по биографии последнего священника Троицкой церкви Андрея Прохоровича Новикова, происходившего из семьи бывших пермских старообрядцев и прослужившего в Екатеринбурге почти 30 лет, здесь не было проблем с кадрами для причта, свойственных многим провинциальным единоверческим общинам [Юбилейная памятная книга, с. 206, 211; Труды]. В составе общины было немало прихожан, принимавших активное участие в обсуждении нужд единоверия. На Первом Всероссийском единоверческом съезде 1912 г.

от Екатеринбурга присутствовало девять человек в сопровождении делегации местных старообрядцев, желавших участвовать в обсуждении вопроса о единоверческом епископе [Труды; Кузнецов, с. 85].

Развитие «независимых» тенденций фиксировалось и в других регионах. В 1870–1880-х гг. единоверцы Нижнего Новгорода и Москвы предпринимали попытки упрочить положение: в 1881 г. в правила были внесены небольшие изменения, которые разрешали прихожанам государственной церкви в особых случаях (а ранее – только при смерти) обращаться за исполнением таинств к единоверческому священнику, включать в единоверческий приход тех, кто в течение пяти лет не обращался в православную церковь, и давали возможность смешанным православно-единоверческим семьям выбирать приход для воцерковления детей по своему усмотрению (ранее их потомство обязано было посещать только православную церковь). Дальнейшее развитие единоверия многие его активные деятели видели в получении статуса, сопоставимого с «господствующим православным исповеданием», и направляли к этому свои усилия, апеллируя к идущему параллельно процессу расширения прав старообрядцев. Результаты стали заметны к началу XX в., когда в обществе единоверцы стали восприниматься как особая часть официальной православной церкви, а не переходный вариант от староверия к РПЦ. Известны постановления 1885 и 1894 гг. об учете единоверцев в числе православных [Белоликов, с. 7–8]. В 1860 г. местные власти располагали сведениями о численности единоверцев отдельно от православных официальной церкви, и в таком виде данные вошли в описание Екатеринбурга (872 чел., 4,4 % всего населения города) [Мозель, с. 690, 727]. Того же варианта сбора сведений придерживались при проведении однодневных городских переписей в 1873 (1471 чел., 4,9 %) и 1887 г. (1216 чел., 3,3 %) [Город Екатеринбург, с. 60–61, 79]. В результатах однодневной переписи г. Перми в 1890 г. единоверцы уже включены в православное население [Однодневная перепись, с. 92]. Центральный статистический комитет при проведении I Всероссийской переписи 1897 г. включил единоверцев в категорию православных [Первая Всеобщая перепись, с. 72–73].

Если в правительственном дискурсе единоверие считалось частью официального православия, в старообрядческом оно представляло собой нелепый исторический казус. Православные иерархи и миссионеры не отказывались от прежнего взгляда на единоверие как на инструмент ослабления старообрядчества, а сами единоверцы (в особенности элиты) были заняты поисками идентичности, отличавшей их и от православной церкви, и от староверия. Ни одна из перечисленных сторон не рассматривала в качестве возможной и желательной перспективу роста единоверческого прихода за счет православной паствы. Парадокс развития событий после провозглашения свободы вероисповедания заключался в том, что неожиданно для всех без особых усилий со стороны лидеров единоверческих общин их церкви стали местом заключения браков православных прихожан.

Внутриконфессиональные и смешанные браки

Данные раздела о браках в метрических книгах Троицкого прихода показывают, что в начале XX в. обращение прихожан РПЦ за исполнением обрядов к причту единоверческой церкви действительно стало обыденностью. Большую часть союзов здесь стали составлять внутриконфессиональные браки между прихожанами государственной церкви, причем их доля существенно возросла после 1905–1906 гг. – с 21 до 43 %, в то время как уменьшилась доля единоверческих пар – с 19 до 13 % и «смешанных» бракосочетаний (между единоверцами и православными) – с 59 до 42 %.

Взаимодействие со староверами на «брачном рынке» не претерпело существенных положительных изменений после 1905 г., поскольку от последних отныне не требовалось перед вступлением в супружество присоединяться к единоверию. Прежде, если их избранник относился к единоверческому приходу, это было обязательным условием, как и в случае брака с православными. Таких браков и в начале XX в. заключалось уже совсем немного – 8,4 %, а после провозглашения веротерпимости стало почти вдвое меньше. Это произошло в условиях, когда в 1906 г. старообрядческие общества получили права юридического лица и возможность вести собственные метрики. Если во второй половине XIX в. ради венчания в единоверческой церкви, метрическая запись о котором бесспорно признавалась властями, один из будущих супругов соглашался отказаться от принадлежности к староверию (пусть и формально), то после 1905–1906 гг., когда записанный в старообрядческие метрики брак также стал считаться вполне законным², стимулов для этого совсем не осталось. По той же причине возможность заключения единоверческо-старообрядческого брака без перехода оказалась почти не востребованной – на уровне погрешности в 1,2 % (в абсолютных цифрах – два случая). В метрических записях самих старообрядцев нет ни одного брака с единоверцами.

Дополнительной характеристикой матримониальных стратегий единоверцев Екатеринбурга являются результаты анализа городского брачного рынка в начале XX в. Паства «господствующего исповедания» и старообрядцы большее число союзов заключали со «своими» (94–95 %) [Glavatskaya, Borovik, p. 126–128], в то время как у единоверцев (в том числе внесенных в метрики приходов РПЦ, а не только Троицкого единоверческого) доля «внутренних» браков составляла около 15 % [Glavatskaya, Thorvaldsen, Borovik et. al.]. Чаще всего они вступали в брак с православными, иногда с католиками и лютеранами. По соотношению внутри- и межконфессиональных сочетаний единоверцы были, как это ни покажется странным, ближе к меньшинствам мигрантов, не имеющих своего прихода (армяно-григорианам,

² До этого подтверждением супружества и законнорожденности для старообрядцев были записи в посемейных списках и специальных старообрядческих метриках, ведшихся полицией.

представителям некоторых протестантских течений), для которых смешанный брак был шагом в адаптации на новом месте.

На основании сделанных наблюдений можно сделать два вывода. Во-первых, единоверческие семьи в Свято-Троицком приходе не видели препятствий для поиска своим детям, достигшим брачного возраста, спутника жизни среди православных. Во-вторых, екатеринбургский единоверческий Троицкий приход, в своем «особом» варианте изначально ориентированный на сохранение старообрядческих традиций и еще 50 лет назад бывший, по определению православного иерарха, «личиной», прикрывающей «гнездо раскола» [Палкин, 2016, с. 145], в начале XX в. изменился и стал более открыт для православных пар, чье присутствие в единоверческом храме еще в 1870-х гг. было трудно представить: их не пустили бы туда ни предписания закона, ни сами прихожане храма.

Увеличение числа православных в единоверческом приходе могло быть еще и следствием действовавшего до 1881 г. предписания об обязательном воспитании детей в смешанных семьях «в духе православия», то есть с исповедью и причастием только у священника государственной церкви. Подобные требования духовных властей на востоке империи во второй половине XIX в. были не редкостью [Ильин, с. 89–90]. Лишь после 1881 г. решение вопроса о том, в какую церковь следует ходить детям, оставалось на усмотрение родителей [Циркулярные указы, с. 176–179]. Путь этого разрешения от издания до реализации мог растянуться на годы, в которые подрастающее поколение по инерции причислялось к приходам официальной православной церкви. Предположительно, увеличение в начале XX в. не свойственной прежде единоверческому обществу доли православных новобрачных произошло как раз за счет достигших совершеннолетия детей от смешанных браков, формально православных (что требует дополнительного изучения семейных историй).

Дополнительный анализ сословной принадлежности и места приписки венчавшихся в Свято-Троицкой единоверческой церкви указывает, что, помимо этого обстоятельства, следует учитывать влияние миграционного фактора. Как уже упоминалось, единоверческие священники с того же 1881 г. получили разрешение исполнять таинства в отношении православных в «особых случаях». Само понятие «особый» при этом не объяснялось и могло трактоваться по-разному, в том числе и как отъезд из родного прихода и/или значительная стесненность в материальных средствах.

Миграция и брак в единоверческом приходе

Православные пары составляли более трети всех венчавшихся в Свято-Троицкой единоверческой церкви с 1901 по 1918 г. – 89 из 247 (36 %). Варианты их сословной принадлежности не отличались большим разнообразием. Преобладали недавно пришедшие

в город жители сельских местностей Пермской губернии (60 %), по большей части находившихся за пределами Екатеринбургского уезда. Еще 33 % имели местное мещанское происхождение, 5 % относились к семьям духовенства, половина которых была приписана в Екатеринбург и имела прямое отношение к руководству приходом; еще у 2 % женихов и невест не указана сословная принадлежность или приписка.

Крестьяне-мигранты отдавали предпочтение союзу с представителями своего сословия или с мещанами и гражданскими служащими. Православные горожане (мещане, почетные граждане, чиновники нижних рангов) встречались в единоверческом храме реже и имели преимущественно екатеринбургскую приписку. По сравнению с рассмотренными православными парами, в единоверческих браках Троицкого прихода доля мигрантов из дальних местностей была заметно ниже как среди мещан, так и среди крестьян (табл.).

Таблица 4

**Происхождение моноконфессиональных пар Свято-Троицкого прихода
Екатеринбурга, 1901–1918 гг., % [ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 22, 65, 165]**

Сословная принадлежность и приписка		Семьи духовенства, псаломщиков		Почетные граждане, купцы		Мещане, служащие		Крестьяне		Нет данных, иностранцы	Итого
		а	б	а	б	а	б	в	г		
Деноминация	Единоверцы, 60 чел. (30 пар)	0	0	1,7	1,7	43,3	1,7	35	16,7	0	100
	Православные, 178 чел. (89 пар)	2,8	2,8	0	1,1	26,4	5,6	20,2	39,3	1,7	100

Примечание: а – Екатеринбург, б – другие города и населенные пункты, в – Екатеринбургский уезд, г – другие уезды.

На выбор единоверческой церкви в качестве места венчания могла влиять возможность договориться о плате за обряд (известно, что отнюдь не всегда в единоверческих обществах взимание денег за требы являлось нормой [ГАКО. Ф. 237. Оп. 139. Д. 1816, Л. 265 об.]). Это было очень актуально для мигрантов, особенно из отдаленных мест. Вновь прибывшие в город располагали скромными ресурсами и возможностью накопить средства для начала семейной жизни. Минимумом, который жених должен был заплатить православному священнику, была сумма в 5 руб. [Кильчевский, с. 8]. Меньшая плата полагалась дьякону и псаломщику, но она хотя бы могла быть дана в виде продуктов. При этом, по свидетельствам современников, никаких записей для учета поступлений за исполнение треб духовенство вести не было обязано, предоставляя епархиальному начальству только итоговые показатели

доходов за год [Рубакин, с. 87–88]. Возможно, если в единоверческой общине Екатеринбурга сохранились элементы прежнего старообрядческого порядка, при котором духовное лицо содержалось за счет попечителей, плата за венчание была существенно ниже или варьировалась в зависимости от достатка брачующихся. Для молодых, равно как и для их небогатых семей, траты на другие статьи традиционного свадебного действия также были существенными, поэтому возможность снизить расходы являлась весьма актуальной³.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. В составе единоверческого городского прихода в начале XX в. появилась значительная доля православных семей. Большинство их происходило из крестьян Пермской губернии, приписанных к достаточно отдаленным от Екатеринбурга местностям. Причинами их присутствия в единоверческой церкви могли быть не только приверженность старому обряду, семейная история, но и соответствие условий исполнения венчания их материальному положению. Единоверческий приход стал открыт не только для старообрядцев, но и для православных официальной церкви после внесения изменений в правила о единоверии в 1881 г. Новую редакцию правил, при всей ее ограниченности, следует считать фактором, оказавшим заметное влияние на состав прихожан единоверческих церквей; обращение православных к единоверческому священнику в дальнейшем встречало все меньше препятствий.

В начале XX в. наблюдались два разнонаправленных процесса. С одной стороны, единоверческие лидеры и сочувствовавшие им православные деятели стремились обособить единоверие, сохранив в значительной степени его старообрядческую составляющую, часть из них видела в единоверии основу для выхода синодальной церкви из кризиса, в который та погружалась в начале XX в. С другой стороны, приведенные материалы свидетельствуют о постепенном размывании конфессиональных границ между официальным православием и единоверием в повседневной жизни, обусловленном комплексом причин, в том числе не всегда церковно-религиозного свойства, отчасти спровоцированных изменением правового статуса единоверцев в конце XIX в.

Список литературы

Амбарцумов И. В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 39–113.

Байдин В. И. У власти : Купцы-старообрядцы и Общество старообрядцев Сибирского края // Родина. 2003. № 8. С. 117–120.

Белоликов В. З. К вопросу о единоверии. Киев: Тип. акц. о-ва «Петр Барский в Киеве», 1917. 26 с.

³ Для сравнения можно привести данные о стоимости земли и некоторых зарплатах в Екатеринбурге: в 1904 г. стоимость не особо выгодно расположенного участка, на котором можно было поставить дом (9,5 кв. сажени – около 43 м²) определялась городской думой в 28 руб., жалование учительницы городского училища составляло 38 руб. в месяц, а ее помощницы – 20 руб. [Журнал Екатеринбургской городской думы].

ГАКО. Ф. 237. Оп. 139. Д. 1816.

ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 22, 65, 165.

Город Екатеринбург : сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду / сост. И. И. Симанов. Екатеринбург : Тип. газ. «Екатеринбург. неделя», 1889. 1258 с.

Журнал Екатеринбургской городской думы за 1904 г. Екатеринбург : Тип. В. Н. Алексеева, П. Н. Галина и Ко, 1905. С. 80–81.

Иванов К. Ю. Специфика существования единоверческого прихода в условиях свободы вероисповедания (на примере села Усть-Горского Еланской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии) // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2018. № 5 (194). С. 117–122. DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-117-122.

Ильин В. Н. Единоверие в XIX в. на территории Томской губернии // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2012. № 4–2 (76). С. 85–91.

Кауркин Р. В., Павлова О. А. Единоверие в России (от зарождения идеи до начала XX века). СПб. : Алетей, 2011. 199 с.

Кильчевский В. А. Богатство и доходы духовенства. М. : Тип. Ф. Я. Бурче, 1907. 46 с.

Кузнецов А. Т. Мои впечатления // Старая Русь. 1912. № 5. С. 85.

Лебедев Е. Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу : Очерк по истории и статистике единоверия с обзором существующих о нем мнений и приложениями. Новгород : Паров. тип. М. О. Селиванова, 1904. 82 с.

Майоров Р. А. Священник Иоанн Тимофеевич Верховский (1818–1891) // Иоанн Верховский, прот. Труды. СПб. : Квадривиум, 2014. С. 656–689.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба : в 39 т. СПб. : Тип. Ф. Петерсона, 1864. Т. 39. Пермская губерния. Ч. 2. 457 с.

Однодневная перепись жителей губернского города Перми, произведенная 7-го апреля 1890 года. Пермь : Тип. наследников П. Ф. Каменского, 1892. 107 с.

ОР РНБ. ОСПК. Q. I. 1094; Тит. 288.

Палкин А. С. Единоверие в конце 1820-х – 1850-е гг.: механизмы государственного принуждения и противостояние староверов // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 176–193.

Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 338 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : в 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Тип. «Слово», 1904. Т. 31. Пермская губерния. 301 с.

Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России. М. : Памятники ист. мысли, 2002. 471 с.

ПСЗ. Собр. 2. Т. 49.

ПСЗ. Собр. 3. Т. 3, 25, 26.

Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы : Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (на основании официальных и научных исследований). СПб. : Изд-во «Вестника знания» (В. В. Битнера), 1912. 216 с.

Свято-Троицкий кафедральный собор / авт.-сост. О. И. Катаев. Екатеринбург : ОМТА, 2004. 163 с.

Труды Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев) [22–29 января 1912]. М. : ПСТГУ, 2012. 607 с.

Уайт Дж. М. Единоверие и официальное православие: неудавшийся опыт объединения в практике публичных церемоний (1900–1913) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 201–223. DOI 10.15826/qr.2015.2.104.

Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода (1867–1900 гг.) / сост. А. Завьялов. 2-е изд. СПб. : Изд. книгопродавца И. Л. Тузова, 1901. 444 с.

Чельцов М. П. Единоверие за время столетнего существования его в русской церкви. 27 октября 1800 г. – 27 октября 1900 г. : (Очерки из истории единоверия). СПб. : Типолит. В. В. Комарова, 1900. 94 с.

Шлеев С., свящ. Единоверие в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев). СПб. : Синод. тип., 1910. 362 с.

Юбилейная памятная книга для духовенства, изданная по случаю 100-летия (1799–16 октября – 1899 года) с приложением адресов духовенства Пермской и Екатеринбургской епархий. Пермь : Типолит. Губерн. правления, 1899. 490 с.

Glavatskaya E., Thorvaldsen G., Borovik Iu. et al. Intermarriage in the Late 19th to Early 20th Century Towards a Comparison of Russian and Norwegian Mixed Marriages : [Presentation for European Social Science History Conference, 4–7 April 2018 in Belfast, Northern Ireland, UK] // Население Урала (конец XIX – начало XX в.) : [website]. URL: https://urapp-urgi.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15181/presentations/2018_04_Belfast.ppsx (mode of access: 10.10.2018).

Glavatskaya E., Borovik Iu. (2019). The Old Believers and Their Marriage in the Early Twentieth Century Urals, Russia: A Microdata Analysis // *Transylvanian Rev.* Vol. 28, no. 1. P. 112–130.

White J. M. Orthodox Old Belief: Edinoverie as a Movement for Religious Rejuvenation in the Russian Church, 1905–1918 // *Russian History.* Vol. 43. 2016. Iss. 2. P. 181–208. DOI 10.1163/18763316–04302004.

White J. M. Missionary, Reformer, and Old Believer in Revolutionary Russia : Bishop Andrei (Ukhtomskii) (1872–1937) // *J. of Religious History.* Vol. 42. 2018. Iss. 3. P. 359–389. DOI 10.1111/1467–9809.12491.

References

Ambartsumov, I. V. (2013). Problemy i kollizii brachnogo prava Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX veka) [Problems and Collisions of Marriage Law in the Russian Empire (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Khristianskoe chtenie.* No. 1, pp. 39–113.

Baidin, V. I. (2003). U vlasti. Kupty-staroobryadtsy i Obshchestvo staroobryadtssev Sibirskogo kraia [In Power. Merchant Old Believers and the Society of Old Believers in the Siberian Region]. In *Rodina.* No. 8, pp. 117–120.

Belolikov, V. Z. (1917). *K voprosu o edinoverii* [On the Question of Edinoverie]. Kiev, Tipografiya aktsionernogo obshchestva “Petr Barskii v Kieve”. 26 p.

Chel'tsov, M. P. (1900). *Edinoverie za vremya stoletnego sushchestvovaniya ego v russkoi tserkvi. 27 oktyabrya 1800 g. – 27 oktyabrya 1900 g. (Ocherki iz istorii edinoveriya)* [The Centenary of Edinoverie's Existence in the Russian Church (27 October 1800–27 October 1900) (Notes on the History of Edinoverie)]. St Petersburg, Tipografiya V. V. Komarova. 94 p.

GAKO [State Archive of Kirov Region]. Stock 237. List 139. Dos. 1816.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 6. List 13. Dos. 22, 65, 165.

Glavatskaya, E., Borovik, Iu. (2019). The Old Believers and Their Marriage in the Early Twentieth Century Urals, Russia: A Microdata Analysis. In *Transylvanian Rev.* Vol. 28. No. 1, pp. 112–130.

Glavatskaya, E., Thorvaldsen, G., Borovik, Iu., Zabolotnykh, E., Bakharev, D., Bobitskii, A. (2018). Intermarriage in the Late 19th to Early 20th Century Towards a Comparison of Russian and Norwegian Mixed Marriages [Presentation for European Social Science History Conference, 4–7 April 2018 in Belfast, Northern Ireland, UK]. In *Naselenie Urala (konets XIX – nachalo XX v.)* [website of project]. URL: https://urapp-urgi.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15181/presentations/2018_04_Belfast.ppsx (mode of access: 10.10.2018).

Il'in, V. N. (2012). Edinoverie v XIX v. na territorii Tomskoi gubernii [Edinoverie in Tomsk Province in the 19th Century]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 4–2 (76), pp. 85–91.

Ivanov, K. Yu. (2018). Spetsifika sushchestvovaniya edinovercheskogo prikhoda v usloviyakh svobody veroispovedaniya (na primere sela Ust'-Gorskogo Elanskoi volosti Tyukalinskogo uezda Tobol'skoi gubernii) [Specifics of Edinoverie Parishes in the Conditions of Religious Freedom (with Reference to Ust'-Gorskoe Settlement of Elansk

Volost, Tyukalinskiy Uyezd, Tobolsk Province]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 5 (194), pp. 117–122. DOI 10.23951/1609–624X-2018–5–117–122.

Kataev, O. I. (Ed.). (2004). *Svyato-Troitskii kafedral'nyi sobor* [St Trinity Cathedral]. Yekaterinburg, OMTA. 163 p.

Kaurkin, R. V., Pavlova, O. A. (2011). *Edinoverie v Rossii (ot zarozhdeniya idei do nachala XX veka)* [Edinoverie in Russia from the Origins of the Idea to the Beginning of the 20th Century]. St Petersburg, Aleteiya. 199 p.

Kil'chevskii, V. A. (1907). *Bogatstvo i dokhody dukhovenstva* [Wealth and Income of Priesthood]. Moscow, Tipografiya F. Ya. Burche. 46 p.

Kuznetsov, A. T. (1912). *Moi vpechatleniya* [My Impressions]. In *Staraya Rus'*. No. 5, p. 85.

Lebedev, E. E. (1904). *Edinoverie v protivodeistvii russkomu obryadovomu raskolu. Ocherk po istorii i statistike edinoveriya s obzorom sushchestvuyushchikh o nem mnenii i prilozheniyami* [Edinoverie in Counteracting the Russian Schism. Notes on the History and Statistics of Edinoverie with a Review of Opinions and Appendices]. Novgorod, Parovaya tipografiya M. O. Selivanova. 82 p.

Maierov, R. A. (2014). *Svyashchennik Ioann Timofeevich Verkhovskii (1818–1891)* [Priest Ioann Timofeevich Verhovskiy, 1818–1891]. In Ioann Verkhovskii, archp. *Trudy*. St Petersburg, Kvadrivium, pp. 656–689.

Mozeľ, Kh. (1864). *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba v 39 t.* [Materials for the Geography and Statistics of Russia, Collected by the General Staff Officers. 39 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya F. Peterson. Vol. 39. Permskaya guberniya. Part 2. 457 p.

Odnodnevnyaya perepis' zhitelei gubernskogo goroda Permi, proizvedennaya 7-go aprelya 1890 goda [One-Day Census of Perm Provincial City as of 7 April 1890]. (1892). Perm', Tipografiya naslednikov P. F. Kamenskogo. 107 p.

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. OSRK. Q. I. 1094; Tit. 288.

Palkin, A. S. (2014). *Edinoverie v kontse 1820-kh – 1850-e gg.: mekhanizmy gosudarstvennogo prinuzhdeniya i protivostoyanie staroverov* [Edinoverie in the 1820s–1850s: Mechanisms of State Oppression and Old-Believer Opposition]. In *Quaestio Rossica*. No. 3, pp. 176–193.

Palkin, A. S. (2016). *Edinoverie v seredine XVIII – nachale XX v.: obshcherossiiskii kontekst i regional'naya spetsifika* [Edinoverie in the Mid-18th – Early 20th Centuries: National Context and Regional Specifics]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 338 p.

Pokrovskii, N. N., Zol'nikova, N. D. (2002). *Starovery-chasovennye na vostoke Rossii* [Chasovennye Old Believers in the East of Russia]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 471 p.

PSZ [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 49.

PSZ [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 3, 25, 26.

Rubakin, N. A. (1912). *Rossiya v tsifrakh. Strana. Narod. Sosloviya. Klassy. Opyt statisticheskoi kharakteristiki soslovno-klassovogo sostava naseleniya russkogo gosudarstva (na osnovanii ofitsial'nykh i nauchnykh issledovanii)* [Russia in Numbers. Country. Population. Estates. Classes. Experience of Statistical Characteristics of the Estate and Class Composition of Russian State Population (with Reference to Official and Scholarly Research)]. St Petersburg, Izdatel'stvo "Vestnika znaniya" (V. V. Bitnera). 216 p.

Shleev, S., priest. (1910). *Edinoverie v svoem vnutrennem razvitii (v raz'yasnenie ego malorasprostranennosti sredi staroobryadtsev)* [Edinoverie in Its Internal Development (An Explanation of its Limited Spread among Old Believers)]. St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 362 p.

Simanov, I. I. (Ed.). (1889). *Gorod Ekaterinburg. Sbornik istoriko-statisticheskikh i spravochnykh svedenii po gorodu s adresnym ukazatelem i s prisooedineniem nekotorykh*

svedenii po Ekaterinburgskomu uezdu [Yekaterinburg. A Collection of Historical and Statistical Data on the City, with Addresses and Some Additional Data on Yekaterinburg Uyezd]. Yekaterinburg, Tipografiya gazety "Ekaterinburgskaya nedelya". 1258 p.

Troitskii, N. A. (Ed.). (1904). *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. v 89 t.* [The First National Census of the Russian Empire, 1897. 89 Vols.] St Petersburg, Tipografiya "Slovo". Vol. 31. Permskaya guberniya. 301 p.

Trudy Pervogo Vserossiiskogo s'ezda pravoslavnykh starobryadtsev (edinovertsev) [22–29 yanvarya 1912] [Materials of the First National Edinoverie Congress [22–29 January 1912]]. (2012). Moscow, Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet. 607 p.

White, J. M. (2015). Edinoverie i ofitsial'noe pravoslavie: neudavshiisya opyt ob'edineniya v praktike publichnykh tseremonii (1900–1913) [Edinoverie and Official Orthodoxy: The Failure of Unity in Ceremonial Practice (1900–1913)]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 201–223. DOI 10.15826/qr.2015.2.104.

White, J. M. (2016). Orthodox Old Belief: Edinoverie as a Movement for Religious Rejuvenation in the Russian Church, 1905–1918. In *Russian History*. Vol. 43. Iss. 2, pp. 181–208. DOI 10.1163/18763316–04302004.

White, J. M. (2018). Missionary, Reformer, and Old Believer in Revolutionary Russia: Bishop Andrei (Ukhtomskii) (1872–1937). In *J. of Religious History*. Vol. 42. Iss. 3, pp. 359–389. DOI 10.1111/1467–9809.12491.

Yubileinaya pamyatnaya kniga dlya dukhovenstva, izdannaya po sluchayu 100-letiya (1799–16 oktyabrya – 1899 goda) s prilozheniem adresov dukhovenstva Permskoi i Ekaterinburgskoi eparkhii [Anniversary Book for Priesthood, Published for the Centenary (1799–1899) with an Appendix of Addresses of the Clergy of Perm and Yekaterinburg Dioceses]. (1899). Perm', Tipolitografiya Gubernskogo pravleniya. 490 p.

Zav'yalov, A. (Ed.). (1901). *Tsirkulyarnye ukazy Svyateishego Pravitel'stvuyushchego Sinoda (1867–1900 gg.)* [Circular Edicts of the Holy Synod (1867–1900)]. 2nd Ed. St Petersburg, publ. by I. L. Tuzov. 444 p.

Zhurnal Ekaterinburgskoi gorodskoi dumy za 1904 g. [Journal of Yekaterinburg City Council, 1904]. (1905). Yekaterinburg, Tipografiya V. N. Alekseeva, P. N. Galina i Ko, pp. 80–81.

The article was submitted on 30.10.2018